

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

А.А. ЛУКАШЕВИЧ

ПРИНЦИП ДВОЙНОЙ ИСТОРИЗАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В статье впервые вводится в научный оборот принцип двойной историзации и обосновывается его применение в источниковедении. «Повороты» в исторической науке открыли перед ней не только новые перспективы, но и поставили трудные вопросы об историческом факте, источнике, истине, роли историка в историческом познании. Мы предлагаем обратить внимание на то обстоятельство, что источник и историк связаны между собой и включены, в онтологическом и эпистемологическом аспектах, в объективный социокультурный процесс, проявляющийся в субъективной форме. В нем они «свершаются», т.е. претерпевают изменения на этапах своей «жизнедеятельности». Поскольку субъект и объект познания нестабильны, возникает вопрос о конкретности истины в истории. Это означает: для понимания источниковой информации необходимо установить момент пересечения «историй» источника и историка в определенном временном пространстве, т.е. применить принцип двойной историзации в источниковедении. Так создается контекст диалогового познавательного процесса не только в его структурно-функциональном измерении, но и генетическом. Возникает возможность нейтрализовать модернизацию содержания источника и подчинение ему историка. Таким образом, обоснование исторического вывода имеет перспективу в том случае, если оно опирается не только на источник, но и на систему «выработки» знания, включающую, кроме него, теоретико-методологические установки, принципы историка, экспертные оценки научного сообщества.

Ключевые слова: принцип двойной историзации, источниковедение, исторический источник, историческая истина, исторический факт, познавательная активность историка, историзм, ситуация диалога

В источниковедении принцип двойной историзации вводится впервые. Необходимость в этом возникла в связи с различными «поворотами» в исторической науке и пересмотром ее ключевых понятий – «исторический факт», «исторический источник», значение историка в познавательном процессе. Возникли трудные вопросы, главный из которых – возможна ли истина в историческом познании?

Историческая наука не может опираться исключительно на исторические источники, в известном смысле «созданные» историком. Они «могут в полной мере выполнить свою роль, только будучи «вмонтированными» в определенную систему доказательства исторических выводов, включающую, кроме них, конкретно-историческую концепцию, методы и критерии исследования, теоретико-методологическую основу, приемы проверки полученных результатов¹. В ее основе – сопряжение источника с историком, нуждающихся в историзации, поскольку сами историчны, проходят определенный «жизненный» путь. Введение принципа двойной историзации в источниковедение направлено на оптимизацию «механизма» разработки и обоснования исторического знания.

¹ Лукашевич 2015: 44.

В понимании исторического источника можно отметить два подхода. Для первого характерны включение в его определение таких признаков, как инвариантность (позволяющая многократно к нему обращаться, по аналогии с естественнонаучным экспериментом, причем его информация остается неизменной), суверенность (источник существует независимо от историка), доступность для непосредственного изучения. Другая точка зрения – «конструктивистская»: источник предстает в ней как теоретическое построение, основанное на эмпирическом материале, продукт познавательной деятельности историка. Источник динамичен, претерпевает структурные изменения, так как его творец-историк историчен, в познании следует своим культурным, научным, политическим ценностям. Оба подхода абсолютизируют отдельные черты источников: с одной стороны, стабильность, неизменность материальной формы, с другой – динамизм смыслов их информации. Отказаться от догматического понимания вещи и ее существования как некоей константы, независимой от какой-либо системы координат, может помочь ее диахронический анализ, в котором раскрываются процессуальные характеристики фрагмента реальности². Преодоление крайностей целесообразно искать на пути исследования источника на всех этапах его существования, через призму диалектики устойчивости и изменчивости, вещи и процесса. Следование этой установке ведет к историзации не только субъекта исторического познания, но и его объекта – исторического источника.

Наша постановка проблемы отличается от принципа «двойной историзации», сформулированного П. Бурдьё: «...опасности пассивной релятивизации продуктов речи, претендующей на научность, могут быть ограничены и даже устранены, если мы подвергнем историзации, с одной стороны, познающего субъекта, а с другой – познаваемый объект»³. Как полагает Бурдьё, историзм в социальных науках чреват релятивизмом, а значит, нигилизмом, поскольку ставит под вопрос возможность достижения ими общезначимого знания. Каков же выход из тупика?

Релятивизм обусловлен тем, что социальные науки суть продукт «исторических существ». Если они подвергнут историзации (объективации) самих себя, то проблема может быть если не решена, то значительно ограничена. Необходима одновременная двойная историзация «аналитика» и его объекта – исследуемого «продукта (или производителя)».

Рефлексивная объективация означает по-новому расположить познающего субъекта в «поле производства» («форме жизни»), внутри которого он проводит свой анализ, а также по-новому разместить познаваемый объект в поле, «где он произвел свой продукт». Исследователь сможет осуществить объективизацию своего объекта в той мере, в какой сможет объективировать свою собственную позицию в пространстве, отличном от того, в котором расположен его объект. Тогда он сможет контролировать свое отношение к познаваемому и не приписывать ему

² Крюков 2011: 27–42.

³ Бурдьё 2019.

своих доэмпирических мнений. Чем глубже субъект погружается в историю своего существования, тем легче ему понять ту совокупность «универсумов», которые формируют его взгляды, представления, и увидеть «трансгисторическую истину» в своем мышлении и в изучаемом объекте. По сути, речь идет об одном из вариантов историзации субъекта.

Как признался П. Бурдье, императив двойной историзации сложно применить на практике. Причем рефлексивность как средство преодоления «социального давления» также вызывает вопросы, но цель обращения к мыслям философа – показать своеобразие нашего подхода, сделать акцент на историзации именно источника как следствия признания, «реабилитации», активности историка.

«Родословную» источника можно представить, как развертывание его состояний: как вещь, фрагмент объективного мира, следствие взаимодействия человека и окружающей его среды, исторический источник – предмет, утративший свою социальную функцию, ради которой он был создан, и использующийся историком для получения ретроспективной информации и, в известном смысле, создания нового источника. «Жизненный» путь источника может быть охарактеризован с позиции противоречивого единства объекта и процесса: взятый сам по себе с точки зрения его внутренней структуры и как процесс, проявляющийся благодаря временному горизонту, в некотором прошлом или будущем, как становление и развитие. То есть он представляется объектом или процессом в зависимости от выбранной системы координат, поэтому ему свойственны признаки всех его состояний. В основе своей это взгляд на объект с позиции релятивистской модели реальности как развивающейся в пространстве и во времени, переживающей внутренние изменения.

В познавательном процессе источник предстает как тождество материального и идеального, единство «исторического материала» и его источниковедческой конструкции. Он не существует автономно, по своему своему происхождению и способу «бытования». Его нельзя противопоставлять историку, поскольку данное субъект-объектное отношение имеет общее историко-культурное основание, определяющее объективные свойства источника. Социальная обусловленность предшественника источника-предмета, превращает его в «чувственно-сверхчувственную» реальность. Он имеет двойственную природу: с одной стороны, как единичный, индивидуальный объект, обладает чувственно воспринимаемой формой, структурирован, а с другой – как звено общественных процессов связан с ними генетически и функционально, свидетельствует об их существовании. Социальная взаимосвязь не дана непосредственно, она «сверхчувственна», для ее постижения необходима идеализация. По мере того, как предмет начинает выполнять функции источника, последний наследует его «чувственно-сверхчувственные» характеристики. Как структурный элемент факта или события прошлого, источник выступает в своей предметно-чувственной форме, наблюдение за которой обеспечивает историка эмпирическими данными, необходимо не свя-

занными с его теоретико-методологическими установками. Здесь источник – безусловный исторический факт и носитель ретроспективной информации. Его реконструкция в пределах горизонтов прошлого и настоящего предполагает понимание истории как процесса становления и развития. Такой историзм требует уточнения: историю можно представить, как череду событийных трансформаций вплоть до нашего времени⁴.

«Бытование» источника есть постоянная смена его модусов. Но если он выпадает из исторического процесса, то превращается в физическую вещь. Изучение процессов реализации функции источников, в которых разворачиваются, формируются заключенные в них смыслы, позволяет обнаружить информацию, недоступную на эмпирическом уровне исследования. Кроме того, подтверждение ее достоверности, истинности, по-видимому, целесообразно проводить не только путем сопоставления полученной информации с источником, но и с источниковыми процессами – трансформациями. Для проведения подобной верификации необходима историзация источника. Применимо к исследовательской практике это означает, что источниковедческая историография не предисловие научной работы, а необходимый компонент всех ее этапов. Причем сама рефлексия над источником не должна ограничиваться анализом истории источника, а сопровождаться изучением условий его существования, причин актуализации в современности.

Сложность в понимании историзации источника заключена в том, что его трудно представить в динамичном состоянии. В эмпирическом исследовании источник предстает в чувственно воспринимаемой форме, как заверченный в прошлом продукт деятельности человека. Объективность его существования очевидна, но следует учесть присущий ему феномен смены материальной оболочки, на который обратила внимание О.М. Медушевская⁵. За время своего функционирования, источник постоянно, целенаправленно воспроизводится (реставрируется, копируется), поскольку целостность его материальной фактуры обеспечивает непрерывность передачи социальной информации. Изменчивым он становится тогда, когда, превращаясь из объекта познания в его предмет, рассматривается как звено социокультурных процессов. В результате его изучения историк получает не только новое знание, но и обновленный источник. Например, Р.В. Овчинников для изучения указов Е.И. Пугачева использовал 46 сохранившихся документов и 119 реконструированных⁶. Как полагает В.С. Библер, историк расширяет «историческую площадь» источника в процессе его реконструкции и конструкции⁷.

Признание познавательной активности историка стало предпосылкой суждения, согласно которому он является создателем своего эмпирического поля исследования – исторических источников. Дройзен,

⁴ Чеканцева 2019.

⁵ Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева 1998.

⁶ Овчинников 1980.

⁷ Библер 2019.

формулируя задачи исторической науки, писал: «Она должна не только повторить то, что уже у нас имеется как историческое предание, но и проникнуть глубже, она стремится, насколько это возможно, мысленно воскресить и понять все то, что еще можно найти из прошлого, как бы создать новые первоисточники». Как пояснил историк, «частично» это можно сделать, обратившись к ранее использовавшимся или непонятным «материалам, открывая новые, либо путем «методического разбора» «известной исторической традиции». Кроме того, рекомендованы труды выдающихся историков, которые хотя и нельзя отнести к первоисточникам, но в то же время, не являются вторичными, производными сочинениями. Благодаря глубокому пониманию истории, их автор лучше понимает исследованную эпоху, чем ее современники. Поэтому, заключил Дройзен, их книги, в некоторых отношениях, имеют более высокую ценность, чем первоисточники⁸. Примечательный вывод: если историк может «создавать» источники, тогда остается один шаг к другому утверждению, что это у него получается даже лучше, чем у людей прошлого. Отметим, в терминологии Дройзена понятие «источник» – это все, что позволяет взглянуть на исторические события глазами их современников. В самом общем смысле «источник – все материалы прошлого, имеющиеся в наличии и доступные для изучения»⁹.

Р. Коллингвуд, доказывая, что исторические факты не даны историку в готовом виде, а есть результат его творческих усилий, обращается к работе с источниками: «Из всех вещей, воспринимаемых им [историком] нет ни одной, которую бы он не смог в принципе использовать в качестве свидетельства для суждения по какому-нибудь вопросу при условии, что он задает правильный вопрос...»¹⁰. По сути, это «формула создания» источника. Сам же «правильный вопрос», производный из исторического знания, которым обладает историк: «Только наше историческое знание говорит нам, что эти забавные знаки на бумаге – греческие буквы, что слова, образуемые ими, обладают определенными значениями в аттическом диалекте... Если отвлечься от этого, то отрывок будет выглядеть всего лишь как определенное расположение черных знаков на белой бумаге, он вообще является не каким-либо историческим фактом, а чем-то существующим здесь и теперь и воспринимаемым историком». Для установления истинности суждений историка, полагает Коллингвуд, их необходимо сопоставить со свидетельствами. Именно анализ данного отношения есть «единственный путь решения вопроса об истинности его [историка] исторической картины»¹¹.

Предложенный способ верификации исторического знания вызывает вопросы. В самом деле, как прорваться к объективному прошлому, если исследователь оказался в замкнутом круге: свои субъективные

⁸ Дройзен 2004: 144-145.

⁹ Дройзен 2004: 84.

¹⁰ Коллингвуд 1980: 235.

¹¹ Коллингвуд 1980: 232, 235-236.

научные выводы он должен обосновать, используя им же «созданные» свидетельства? Более того, они «при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков»¹². Иными словами, источниковая база историка зависит от его профессионализма, который тоже не является неизменным. Как тогда преодолеть неизбежный в таком случае релятивизм исторического знания? Акцент на познавательной инициативе историка предопределяет ответ: оно «может расти только из исторического же знания»¹³. Но критерием истины будет «идея самой истории, идея воображаемой картины прошлого», – «врожденный» или «априорный» элемент структуры сознания человека обосновывающая саму себя»¹⁴.

Вопросы интерпретации понятия «источник» и близких к нему по смыслу его «конструирования» изначально связывались с проблемами критериев исторического познания, исторической истины, соотношения части-целого (источник как фрагмент источникового корпуса, созданного в определенную историческую эпоху). Если исходить из системного подхода, то следует учесть: анализ понятия, указывающего на отдельно взятый исторический источник, будет ограниченным. Наконец, предложение его интерпретации не дает ответы на вопрос, как историк в своем исследовании может прорваться к объективному прошлому, избежав релятивизма в своих выводах. Особенно, если утверждается не только изменчивость результатов исследования в связи с меняющимися методами, принципами интерпретации источников, но и констатацией того факта, что история – «поток, в который нельзя вступить дважды. . .»¹⁵.

Историк, возвращаясь к предмету своего исследования, обнаруживает, что изменилась сама научная проблема. Иными словами, в историческом процессе взаимосвязаны и меняются субъект познания и его объект – исторический источник. Процедуры «конструирования» и интерпретации последнего производятся историком одновременно. Марк Блок, как и Коллингвуд, был убежден в том, что в научном познании всегда «вначале – пылливый дух» исследователя, который должен составить вопросник, с которым следует обратиться к свидетельству, «чтобы он мог сразу же служить магнитом для опилок документа»¹⁶.

Метафорично высказанная идея «создания» или «сборки» источника основана на убеждении Блока в том, что разнообразие исторических свидетельств бесконечно, поскольку все, к чему имел отношение человек, может дать о нем сведения. Но для этого историку необходимо «заставить» их заговорить, опираясь на свой вопросник, направляющий исследование на всех этапах. Отсюда можно заключить: «сотворение» источника – процесс, начинающийся с первого вопроса к остатку про-

¹² Коллингвуд 1980: 236.

¹³ Коллингвуд 1980: 235.

¹⁴ Коллингвуд 1980:237.

¹⁵ Коллингвуд 1980: 236.

¹⁶ Блок 1986: 39.

шлого. Дальнейшая его судьба определяется местом и значением, которое он займет в историографии. Нет вопроса – нет источника¹⁷. Комментируя Коллингвуда, А. Про возвращается к положению, ставшему общим для представителей Школы Анналов (А. Марру, Л. Февра): «Болезнее того, без вопроса нет также и документа. Именно вопрос, который задает историк, позволяет возвести в ранг источников и документов те или иные следы, оставленные прошлым». Исходя из примата вопроса над документом, он заключает: «...нераздельное единство вопроса, документа и процедуры критики последнего объясняет тот факт, что обновление вопросника влечет за собой обновление и/или документальной базы»¹⁸, т.е. с развитием исторической мысли изменения претерпевают исторические источники, составляющие ее эмпирическую основу.

Некоторые итоги размышлений над вопросами превращения исторического наследия в исторические источники подвел Мишель Фуко:

«Однако в результате начавшейся не сегодня и, вероятно, все еще не завершившейся мутации история изменила свою точку зрения на документ: в качестве первоочередной задачи она ставит перед собой отнюдь не интерпретацию, не определение того, говорит ли он правду и какова его выразительная ценность, а обработку документов и рассмотрение его изнутри: история организует, разрезает, распределяет, упорядочивает документ, размещает его по уровням, устанавливает ряды, отделяет то, что относится к делу, от того, что к делу не относится, выделяет элементы, определяет единства, описывает связи. Таким образом, для истории документ – это уже не инертная материя, сквозь которую она пытается восстановить то, что делали или говорили люди, то, что уже миновало, оставив лишь призрачный след: в самой документальной ткани история стремится определить единства, совокупности, ряды, отношения»¹⁹.

Современная историческая наука, как ее определяет философ, – это то, «что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы...»²⁰. Создание, обработка, использование «документов» рассматриваются им не просто как набор последовательных источниковедческих процедур, а как сущность исторической науки. Сам «документ» перестал быть «инертной материей».

Обосновывая необходимость понимания природы исторических источников как условия для вынесения вердикта о ложности или истинности содержащейся в них информации, А.Я. Гуревич отметил, что при такой постановке вопроса источник утрачивает свою «нейтральность» и потому его следует «переструктурировать»²¹. Что это означает? Как пояснил историк, необходимо различать памятник прошлого и исторический источник. Первый превращается в источник сведений о прошлом только тогда, когда становится предметом внимания историка, который выбирает нужные ему памятники, исходя из своих научных задач, и применяет к ним методы исследования, соответствующие их отличи-

¹⁷ Блок 1986: 38.

¹⁸ Про 2000: 83, 85.

¹⁹ Фуко 2004: 41–42.

²⁰ Фуко 2004: 43.

²¹ Гуревич 1993: 225.

тельными свойствам. Вне «этого отношения исторических источников не существует». В этом смысле историк «создает» исторический источник, «а не рабски следует его букве...»²², он мысленно «перестраивает» памятник для последующей его интерпретации²³. Эта «трансформация» исторического источника (если перефразировать: превращение объекта исследования в его предмет) определяется не только историографической проблематикой, но и его внутренней логикой структурирования, а также культурой, в контексте которой был создан²⁴. Пояснение важное, поскольку объясняет возможность объективации субъективного по своей форме предмета научного исследования – исторического источника. По мнению историка, «конструктивизм» – процедура не произвольная, а обусловленная всей историей «бытования» источника. При этом «объект» познания остается статичным, так как не создается, дан исследователю непосредственно в качестве «памятника», а «предмет» «трансформируется» и потому меняются его характеристики.

Из сказанного выше следует: историк ведет диалог с источником и его автором (создателем). Причем он не «навязывает» им свое представление о прошлом, но активно его разрабатывает. Так формируется «территория историка», особое «время-пространство», место встречи культур исследователя и той, продуктом которой является источник. Образуемое интеллектуальное пространство не принадлежит ни прошлому, ни настоящему. «Созданный» в его пределах источник оказывается в неопределенном положении – неясно, какой эпохе он адекватен. Источник – не произвольная конструкция, он «создается» или «перестраивается», по-новому интерпретируется историком в интересах познавательных задач – это положения, вызывающие вопросы, особенно если их соотнести с объективной исторической реальностью. Остается констатировать: в предложенной источниковедческой концепции источник – интерпретированный историком исторический памятник, неизменный в своей первозданной материальной форме, а умозрительная структура, смысловое содержание, меняются в процессе источниковедческого изучения.

Если источник в историческом познании должен быть «переструктурирован», то как тогда сохранить его целостность? А.Л. Юрганов полагает, что структурная перестройка изменит источниковое содержание, а значит – историк «изобретает» прошлое, его субъективизм не преодолевается. Что же касается вопросно-ответной системы реконструкции и конструкции прошлого, создания из его памятников исторических источников, то она уязвима, поскольку ответы источника возможны только в границах вопросов историка и таким образом, настоящее привносится в прошедшее. А.Л. Юганова не убедили усилия А.Я. Гуревича обосновать обусловленность предмета исследования его объектом, т.е. версию: источник – актуализированный исторический памятник. В дан-

²² Гуревич 2014: 415.

²³ Гуревич 2014: 226-228.

²⁴ Гуревич 2014: 225.

ной концепции, по его мнению, источник предстает в качестве «виртуального объекта», который необходимо «вернуть» в тот жизненный мир, где он существовал. Только в этом случае историческая наука обретет эмпирическую основу. Каким образом? Юрганов полагает, что историку нужно выйти за пределы «собственного мифа», своего пространства целеполагания, посредством саморефлексии. Тогда он войдет на территорию мифа «чужого», из прошлого, при помощи анализа. Методами беспредпосылочной герменевтики можно будет исследовать источник, определенный как «интерсубъективная реальность», «сама данность прошлого, в которой запечатлелись фрагменты ушедшей жизни»²⁵.

В феноменологическом подходе к источнику последний представляется как непосредственная историческая «сама данность», фрагмент, дошедший до нас из прошлого, со своими «собственными», «исчерпанными» смыслами. Это не «конструкция» в историко-антропологическом понимании. Установление границы бесконечному процессу смыслообразования в изучении содержания источника имеет цель не допустить его преобразования, «перестройки» и, в конечном счете, исчезновения в качестве объективного основания исторического познания. Источник здесь реален и первичен, утверждается его примат над внеисточниковым знанием или «предмнением». Он является безусловной отправной точкой, от которой отталкивается историк в своем исследовании.

Насколько возможно беспредпосылочное обращение к источнику? Он характеризуется как объект «интерсубъективной реальности». Его можно понять как особую систему, следствие и условие взаимоотношений людей, стержнем которых является отношение «Я» и «Другой», предполагающее признание «чужой одушевленности». Это жизненный мир, сфера человеческого опыта, в котором источник существует, обновляются его свойства, функции, изменяются временные, пространственные границы обращения в социуме. Поэтому сложно представить его простой «данностью» с неизменными характеристиками. Основанием подобного «бытования» источника являются субъект-объектные отношения, за пределами которых он превращается в физическую вещь. Но источник не только чувственно-воспринимаемый предмет, он также звено объективных социальных отношений, проявляющихся в субъективной форме, связывающей в единый временной поток прошлое, настоящее, будущее. Вот это единство способов существования источника в причинных, функциональных связях и есть историческая реальность, которую изучает историк, пребывая в ней всем своим личностным бытием. Поэтому «предмнение» непреодолимо в познании научной методикой. Оно направляет и ограничивает интерпретации историка и потому является необходимой предструктурой его понимания прошлого²⁶.

В интерпретациях понятия «источник» как интерсубъективная реальность, с одной стороны, а с другой – «конструкт», созданный на

²⁵ Юрганов. Источниковедение культуры...

²⁶ Подробнее: Лукашевич 2005: 23-28.

«территории историка», можно обнаружить – субъект-объектная оппозиция в познавательном процессе не преодолена. Отсюда проистекают трудности в обосновании обеих точек зрения. Как ни привлекателен лозунг: «назад к источникам», непосредственно воспринимаемым, игнорируя априорные установки исследователя, остается неясным, как применить феноменологическое редуцирование: процедуру «беспредпосылочного» подхода к ним. Сам анализ источника, взятого «как таковой», предполагает разрыв социокультурных связей, объединяющих его происхождение с современным существованием. Насколько возможно тогда его целостное, историческое изучение?

Если постулировать первичность источника в качестве единственной исторической реальности и вторичности научных методов, то следует признать актуализацию эмпиризма в историческом познании. Между тем, даже данный уровень исследования необходимо связан с идеализацией в концептуальном контексте. Относительно попытки обосновать научную значимость «сконструированного» источника, то вопрос здесь не только в том, какой реальности он адекватен (среды его происхождения, историка или «территории историка»), но и в том, что, признав активность познающего субъекта, нужно быть готовым во встрече с ее попутчиком – проблемой релятивизма результатов источниковедческого исследования. Остается неясным, как ее преодолеть, либо ограничить.

Возможности снятия крайностей рассмотренных концепций следует искать, анализируя источник и исследующего его историка в действенном познавательном процессе. Исходить из положения не о противопоставлении их один другому, а о взаимодействии, развитии субъекта и объекта познания, т.е. из принципа двойной историзации. Источник и историк принадлежат общему для них историческому миру, который вошел в их жизнь в зависимости от степени, в какой они участвовали в ней. Это единое основание существования источника и историка заставляет изучать их проблематику как противоречивое целое. Субъективные причины «метаморфоз», или историзации исторических источников обостряют проблему релятивизма выводов исторических исследований (речь идет не о плюрализме мнений, а об их произвольности). Но что тогда можно сказать об объективных основаниях историзации?

Обратимся к очевидно изменчивым электронным документам. Они создаются в виртуальной среде и могут быть «бесплотным образом» и физической единицей, зависят от постоянных модернизаций программных и аппаратных средств, что приводит к определенному отрыву информации от ее материального носителя. Это «очень подвижные источники»²⁷. Но такой специфический динамизм присущ только электронным источникам. Рассмотрим теперь историзм делопроизводственной документации – наиболее востребованной историком.

В.П. Козлов пишет, что документ – материальный объект и интеллектуальный продукт, переживающий определенные периоды («жиз-

²⁷ Лукашевич 2015: 41–45.

ни») своих преобразований, изучаемый соответственно документоведением, архивоведением, археографией и документальным источниковедением. Он – производный продукт деятельности личности, общества, государства и сам обеспечивает их функционирование²⁸. Данное положение указывает на объективные предпосылки развития документа, документных систем. Единство и взаимосвязь всех этапов «жизнедеятельности» документа – одна целостная жизнь продукта человеческой деятельности. Следовательно, на стадии источниковедческого исследования историка полезно знать не только его первую «жизнь», ради которой он был создан, но и все последующие, поскольку каждая из них раскрывает новые информационные возможности документа. В то же время историк должен осознавать, какую именно страницу истории документа он читает, чтобы сделать о ней адекватное заключение. Так, историзация источника влияет на историзацию субъекта познания.

Условно, разделим шесть «жизней» документа на два периода. В первом (оперативное бытование документа) он создается для решения общественных и государственных задач, его информация находится в актуальном состоянии и дополняется, если нарушается его неприкосновенность. Его полезность заключается в удовлетворении поставленных целей взаимодействующих субъектов.

Во втором периоде документ находится в состоянии покоя, утратив практическую полезность, но может стать ценным как источник знания о прошлом. Существует как артефакт, сохраняющийся в архиве, помещенный в археографической публикации, и как исторический источник. В делопроизводстве он структурирован на основе формуляра. Для источниковедческих процедур важно учитывать, что единичный документ теряет свою «автономию» в «деле», в котором документы связаны между собой функционально. Его изолированное изучение может привести к ошибочным выводам. И наоборот, установление взаимосвязи документов в «деле», фонде, увеличивает их информационные возможности.

Отличие существования документа в архивной среде как физического объекта от его же состояния в качестве носителя информации заключается в том, что в первом случае он статичен, а во втором – динамичен, поскольку, как мы поняли, архивный документ содержит ретроспективную информацию, которую используют в научных исследованиях и для создания поисковых систем. Но в таком же динамичном состоянии находится информация исторических источников благодаря интеллектуальным усилиям историка. В археографических публикациях происходит объединение документов разного происхождения, времени, мест возникновения, что позволяет реконструировать документы. Документ обретает «новую жизнь», обогащается содержанием, смыслами.

Статья В.П. Козлова содержательна, мы использовали не все возможности, которые она открывает. Полагаем, что предложенная в ней

²⁸ Козлов 2019.

история «жизней» документа убедительно свидетельствует в пользу целесообразности историзации исторического источника с целью повышения его информативности. В своих рассуждениях о принципе двойной историзации в источниковедении мы исходим из понимания исторического источника как следствия и наследования субъект-объектного взаимодействия социокультурного и природно-климатических процессов, развивающихся в пространстве и времени²⁹.

Предложенная интерпретация понятия снимает противопоставление источника историку, указывая на их вовлеченность в общий социокультурный процесс в его онтологическом и эпистемологическом аспектах. Отмечена свойственная им изменчивость, обусловленная не только сменой социальных функций источников, но и познавательной активностью историка. Именно данные «метаморфозы» заставляют поставить вопрос о конкретности истины в источниковедении, поскольку изучаемый предмет и его исследователь не могут получить единственную, окончательную, оценку: они историчны. Следовательно, стремясь к истинному знанию об исторической информации, необходимо определить точку пересечения «историй» историка и источника. Для этого важно в начале исследования конкретизировать в ограниченном пространстве и времени их характеристики, связи, опосредования, иными словами, произвести двойную историзацию.

В содержание понятия «источник», как следствие субъект-объектных отношений, входит представление о единстве способов его препарирования историком и исторической материальной основы, носителя зафиксированной различными способами и средствами информации. Данная взаимосвязь раскрывает механизм превращения исторического памятника в источник, а значит, определяет направление его изучения, является условием адекватной интерпретации информации, добытой из источника, потенциально достоверной, так как сформировалась в объективном социальном процессе субъективными условиями его участников. И здесь вопрос о том, какой реальности принадлежит источник (той, где он возник, или историка), вытесняется проблемой его встречи с исследователем на определенном этапе их «жизнедеятельности». В этом акте, звене познавательного процесса, весь путь изменения источника осваивается историком с позиций своего культурного горизонта, сформировавшегося к тому времени. Обе «истории» находятся в актуальном состоянии, не сливаясь в единое целое: в противном случае, было бы невозможно историческое познание, предполагающее обратную связь.

В ситуации диалога проясняется тот угол зрения, под которым историк рассматривает источник, какая грань «жизни» источника ему открывается. Все это способствует нейтрализации попыток модернизации прошлого и подчинения историка источнику. Таким нам представляется еще одно следствие применения принципа двойной историзации.

²⁹ Лукашевич 2015: 43.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Библер В.С. Исторический факт, как фрагмент действительности. [Bibler V.S. Istoricheskiy fakt, kak fragment deystvitelnosti. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/5545>]
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с. [Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. M.: Nauka, 1986. 254 s.]
- Бурдьё П. За рационалистический историзм. [Burdyo P. Za ratsionalisticheskiy istorizm URL: <http://bourdieu.name/content/burde-za-racionalisticheskiy-istorizm>]
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с. [Gurevich A.Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov». M.: Indrik., 1993. 327 s.]
- Гуревич А.Я. Загадка Школы «Анналов»: «Революция во французской исторической науке», или Об интеллектуальной ситуации современного историка // Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 407–418 [Gurevich A.Ya. Zagadka Shkoly «Annalov»: «Revolyutsiya vo frantsuzskoy istoricheskoy nauke», ili Ob intellektualnoy situatsii sovremennogo istorika. – V kn. Gurevich A.Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov» - Tsentr humanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, Moskva; Sankt-Peterburg, 2014. S. 407-418]
- Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 584 с. [Droyzen I.G. Entsiklopediya i metodologiya istorii //Droyzen I.G. Istorika. Leksii ob entsiklopedii i metodologii istorii. Spb.: Vladimir Dal; Fond «Universitet», 2004. 584 s.]
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М.: Российск. Гос. гуманит. ун, 1998. 702 с. [Istochnikovovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: Ucheb.posobie /I.N. Danilevskiy, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. M.: Rossiysk. Gos. gumanit. un, 1998. 702 s.]
- Козлов В.П. Жизнь документа [Kozlov V.P. Zhizn dokumenta [Elektronnyy resurs] URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/istochnikovovedenie/jizn-dokument.html>]
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с. [Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii // Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya, 1980. M.: Nauka. 485 s.]
- Крюков В.В. Диалектика вещи и процесса: релятивистская модель реальности // Идеи и идеалы, 2011. № 4(10). Т. 1. С. 27–42 [Kryukov V.V. Dialektika veschi i protsess: relyativistskaya model realnosti // Idei i idealy, 2011. № 4(10). Т. 1. С. 27–42] – URL: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2013/01/V.V.Kryukov_410_2011_t_1.pdf
- Лукашевич А.А. Источниковедческие аспекты теории герменевтического опыта Х.-Г. Гадамера // Клио, 2005. № 4 (31). С. 23–28 [Lukashevich A.A. Istochnikovvedcheskie aspekty teorii germenevticheskogo opyta H.-G. Gadamera // Klio, 2005. № 4 (31). S. 23-28]
- Лукашевич А.А. Феномен цифрового наследия как предпосылка переосмысления понятия «исторический источник» // Клио. СПб, 2015. № 10 (106). С. 41–45 [Lukashevich A.A. Fenomen tsifrovogo naslediya kak predposylka pereosmysleniya ponyatiya «istoricheskiy istochnik» // Klio. – Spb, 2015. № 10 (106). S. 41–45]
- Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева (источниковедческое исследование). М.: Наука, 1980. 279 с. [Ovchinnikov R. V. Manifestyi i ukazy E.I. Pugacheva (istochnikovvedcheskoe issledovanie). M.: Nauka, 1980. 279 s.]
- Про А. Двадцать уроков по истории. М.: ПГУ, 2000. 336 с. [Pro A. Dvadsat urokov po istorii. M.: Rossiysk. Gos. Gumanit. Un-t, 2000. 336 s.]
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. стр. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 416 с. [Fuko Mishel. Arheologiya znaniya / Per. s fr. M.B. Rakovoy, A.Yu. Serebryannikovoy; vstup. str. A.S. Kolesnikova. Spb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya», 2004. 416 s.]
- Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века [Chekantseva Z.A. Istorichnost i istoriya v intellektualnoy kulture XXI veka. URL: <https://www.academia.edu/37887922/> / Z.A.Chekantseva.
- Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки [Yurganov A.L. Istochnikovovedenie kulturny v kontekste razvitiya istoricheskoy nauki. URL: http://www.avorhist.ru/publish/yurganov_istved1.html].
- Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки [Yurganov A.L. Istochnikovovedenie kulturny v kontekste razvitiya istoricheskoy nauki. URL: http://www.avorhist.ru/publish/yurganov_istved2.html]

Александр Анатольевич Лукашевич, кандидат исторических наук, доцент, Центрально-украинский национальный технический университет, feodosia56@yandex.ru

The principle of double historization in source studies

The principle of double historization is introduced into scholarship for the first time. The application of double historization to source studies has been substantiated. The “turns” in historical science opened new prospects as well as raised complex issues concerning historical facts, sources, truth, and the role of a historian in historical cognition. We pay attention to the fact that the source and the historian are interconnected and included, in the ontological and epistemological aspects, in the objective social and cultural process, manifested in a subjective form. The process includes their “accomplishments”, that is, undergoes changes at the stages of their “life”. Since the subject and the object of cognition are unstable, the question arises of the specificity of truth in history. This means that to understand the source information, it is necessary to identify the moment of intersection of the “stories” of the source and the historian in a certain time space. In other words, the principle of double historization in source studies should be applied. This creates the context of the dialogue-cognitive process, not only in its structural and functional dimension, but also in the genetic one. There is an opportunity to neutralize the modernization of the content of the source and the subordination of the historian to it. Thus, the justification of the historical conclusion has the prospect if it is based not only on the source, but also on system of “production” of knowledge, which includes theoretical and methodological principles, the principles of the historian, and expert assessments of the scientific community.

Keywords: *principle of double historization, source studies, historical source, historical truth, historical fact, cognitive activity of a historian, historicism, dialogue situation.*

Alexander A. Lukashovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Ukrainian National Technical University, feodosia56@yandex.ru